

Д. Л. ПОДГОРНОВА
студентка группы 21Ф1601а
Институт социально-гуманитарных наук
ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет»

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ЦВЕТОВОЙ СИМВОЛИКИ В КНИГЕ Б. АХМАДУЛЛИНОЙ «ПУГОВИЦА В КИТАЙСКОЙ ЧАШКЕ»

Ключевые слова: цветовая символика, ассоциативность, семантика болезни.

Цвет выполняет в художественных текстах особые функции. Это в первую очередь смысловая функция — когда через цвет писатель стремится выразить сущность предметов, явлений, лиц. Во-вторых, цвет выполняет описательную функцию — цветовые эпитеты придают визуальному образу стереоскопическую полноту. И, наконец, эмоциональная функция цвета — воздействие колористических символов на чувства и эмоции читателя.

Выбор цвета писателем происходит интуитивно. В цветовой палитре могут преобладать те или иные краски в зависимости от психического состояния автора. Игра зрения и сознания в момент восприятия цвета становится определяющей. Глаз воспринимает цвет и подает сигнал в мозг, который, считывая эту информацию, обрабатывает ее — происходит процесс, при котором цвет ставится в жесткую связь с эмоциями и чувствами [10, URL]. Учитывая индивидуальные особенности сознания, можно говорить о множестве интерпретаций цветовой символики в литературе.

Целью данного исследования является изучение процесса семантизации цветowych символов в сознании поэта, наблюдающего за жизнью собственного организма. Объект исследования — система цветописи в книге стихотворений Бэллы Ахмадулиной «Пуговица в китайской чашке». Предмет — семантика болезни, проявляющаяся в поэтическом тексте через цветовые символы. Методологической основой для исследования послужили научные труды отечественных и зарубежных ученых о цвете, истории цветовой символики и воздействии цвета на психику человека.

«Пуговица в китайской чашке» — сборник лирики Бэллы Ахмадулиной, изданный в 2009, за год до смерти поэтессы. Книга состоит из двух частей: «Блаженство бытия» — цикл, выпущенный в 2001 году, где собраны тексты, написанные в период пребывания поэтессы в Боткинской больнице, и «Сны о Грузии» — цикл, посвященный памяти грузинских деятелей искусства и близких друзей Ахмадулиной, впервые издан в 1977 году.

Книга «Пуговица в китайской чашке» — это опыт поэтического осмысления жизни и смерти, когда сам художник находится в пограничном состоянии. Это эксперимент поэта, целью которого является фиксация изменения собственных чувств, когда наступает принятие собственной смертности. Лирический субъект оценивает мир с двух точек зрения: как тот, кто испытывает болезненное физическое состояние, и тот, кто следит за ним, подбирает слова для описания этого состояния.

Семантика больного сознания проявляется в книге через систему цветописи. На подсознательном уровне цвет управляет человеческими чувствами и состояниями, вызывает определенные изменения в психическом мире человека, интерпретация которых порождает то, что называют цветовыми ассоциациями и символами, впечатлениями от цвета [11, с. 12]. По словам В. Тэрнера, существует «архетип цвета» [3, с. 19], с которым связано понятие «культурной памяти», то есть отношение к цвету целиком и полностью определяется культурно-историческими традициями и обычаями.

Цвета в сборнике «Пуговица в китайской чашке» обозначаются прямо краткими и полными прилагательными — это цветовые эпитеты, глаголы, образованные от прилагательных: «черный креп надейте», «белый лист», «алела ль переспелая малина», «лиловые соцветья». Наравне с цветовыми эпитетами Ахмадулина использует не прямое цветообозначение — колористические ассоциации обусловлены как физическими явлениями и процессами, так и физиологическими ощущениями и нравственными установками субъекта восприятия. Здесь мы можем говорить о «теории соответствий», а также об особой системе ассоциативного цветообозна-

чения. Одним из авторов такой цветовой системы является немецкий ученый И. Цан [3, с. 15]. Цан исходил из идеи, что цвет находится в определенной (жесткой) связи практически со всеми явлениями и категориями, и поэтому через цвет можно выразить весь мир.

Привычные цвета получают дополнительные оттенки в восприятии плохо видящего человека [6, URL]. Поэтесса видит этот мир иным, он раскрашен иначе для нее. Архетипичное значение цвета ставится на одну плоскость с интерпретацией этого же цвета в больном сознании, возникают совершенно невозможные в обыденности цветовые композиции:

Весна свой доживает срок,
Как гибнущий в балете лебедь.
Бледней желтеет мой цветок,
желтей черемуха белеет [1, с. 30].

Картина мира, которую воспринимает поэтесса «иным» зрением, искажена. Здесь имеет место абберрация — искажение изображений на сетчатой оболочке глаза в результате несовершенства его оптической системы [8, URL]. Как следствие, цвет «обесмысливается»:

...о пуговице быстропятой,
чей цвет белесо-никаков [1, с. 24]...

Белый и черный — это цвета, которые регулярно появляются в стихотворениях сборника. Они составляют оппозицию, но при этом парадоксально сближены у Ахмадулиной. Свет и тьма в истории цветообозначения понимались как единство, тьма является инобытием света. Эти цвета обозначены у Ахмадулиной непрямо, к ним отсылают ассоциативные модели, заложенные в сознание человека исторически. Белый — это свет, день, когда человек наиболее активен и деятелен, когда он воспринимает окружающее ясно и отчетливо [3, с. 3]. Черный — это отсутствие света, ночь, сон, подобный смерти, цвет пепелища и распада [3, с. 4]. Мир Ахмаду-

линой состоит из черной рамы, обрамляющей картину мира, и из светлого наполнения пространства внутри рамы:

Сей день вернулся в бывший день:
в окне моем без промедленья
светало [1, с. 58].

При этом светлое поле, проходя через сознание поэтессы, преломляется и создает цветовой спектр. Происходит своего рода дисперсия света. Цветовой спектр проявляется только в области видимого, ограниченного света. Светлое пространство, организующее спектр, болезненно воспринимается поэтессой, поэтому цвета нечеткие, изображение размыто. Болезненное восприятие света порождает характеристику мира как призрачного, находящегося на границе сознания: «приемля ламп потусторонний блеск» [1, с. 11], «поляны призрачно светлы» [1, с. 28].

Мир поэтессы — это Вселенная, тьма, образовавшаяся в результате вспышки света. Тьма, которая обрамляет «болезненный свет», состоит из двух элементов, характеризующих черный цвет, — смерть и сон.

Область «смерти» включает предметные ассоциации. «Смерть — белый лист» [1, с. 10], чистая бумага, на которой ничего не написано — это начало новой жизни, а не конец всего. Смерть — это оконная рама, обрамляющая свет бытия: «ночь моего окна светла» [1, с. 26]. Белое и черное — свет и тьма — взаимопроникающие циклические модели, в сознании автора они неразъединимы. Поэтесса восклицает: «Но как же ослепительно светло даруемое жизнью напоследок!» [1, с. 13]. Но при всей неразрывности с «ослепительным светом», смерть — тьма, мгла, роковая тень. Она связана с печалью, со страхом перед неизвестностью («сгущается темнот чашоба» [1, с. 54]). Смерть повелевает облачиться в «черный креп». Она разлучает друзей: гасит «светильник дружества»; «земля чернеет» в бесконечности темноты.

Лирическая героиня живет внутри черной рамы, ее пространство окружено смертью:

Я стала завсегда отпеваний,
сообщник, но не сотворитель слез.
Вокруг меня смыкался мор повальный,
меня не тронул, а других унес [1, с. 18].

В ряд ассоциаций черного цвета входит и сон, подобный смерти, связанный с ней каким-то недоступным обычному глазу каналом, но доступный зрению поэтессы:

Есть страсть, что сладостней любви,
ее и смерть не отменила,
и сны мои целуют лбы
тех, чье пристанище — могила [1, с. 47].

Лирическая героиня часто смотрит на реальность сквозь этот сон, приближающий к небытию: «мне снилось в ночи», «в моем сновиденье», «был сон». Сон для героини — это и зеркало мира, и призма, через которую можно увидеть былое (увидеть свет).

Часто Ахмадулина обращается к лиловому цвету. Этот оттенок фиолетового цвета связан в ее сознании с сиренью. Но «лиловые соцветья» в стихотворениях «Пуговицы...» «явно не к добру». Сирень умирает, «лиловый цвет претерпевает убыль», соцветья «мглы лиловой» «манят и устрашают взор», они «угрюмо-скрытны» и таят в себе что-то тревожное, несмотря на то, что «цвет ее уму и зрению лаком». Образ умирающей сирени ассоциирован у поэтессы с чувством тревоги. Гете говорил, что если смотреть на мир сквозь фиолетовое стекло, то он предстает в ужасающем виде, как в день «страшного суда» [5, URL]. Поэтому у Ахмадулиной рядом с сиренью всегда присутствуют такие характеристики, как «угрюмо-скрытны», «сумрачна», «не к добру», «убыль», «устрашают», «мгла». На такое восприятие цвета влияет и болезнь:

лиловый цвет претерпевает убыль.
Я сумрачна не мене, чем сирень [1, с. 20].

Постоянное пребывание во мраке сказывается на художественных образах. Сирень умирает: «черны ее опавшие соцветья».

Тексты Ахмадулиной изобилуют красным цветом. Все «красные вещи» разделяются на две категории в зависимости от того, приносят они добро или зло. Но, независимо от своей валентности, все «красные вещи» обладают силой, т. к. кровь — сила, без нее человек умирает. Говоря о красном, В. Кандинский характеризует его как живой, жизненный цвет [7, URL]. У Ахмадулиной в ассоциативный предметный ряд красного цвета входят: вино («вспомни, что в наших стаканах алело?» [1, С. 45]), гвоздика («шел с алою гвоздикой Тициан» [1, с. 41]), роза («Ты алый мне поднес цветок» [1, С. 50]), малина («алела ль переспелая малина?» [1, с. 12]), пламень и кровь. Один из самых частотных символов среди предметного ряда у Ахмадулиной — кровь. Обращение к этому образу навеяно долгим пребыванием в больнице, частыми анализами и запахом крови как таковым: «сбылись анализ крови и диагноз», «упырь собирает крови дань», «и свежей крови ждет и жаждет».

О болезненном восприятии не только цвета, но и окружающего пространства в целом говорит и следующая строчка:

мозг поспешает пламенеть —
так жарко, словно напоследок [1, с. 30].

Голова в постоянном огне, в пламени, что сжигает изнутри. И рядом снова смерть («напоследок»), она тихой поступью переходит из одного стихотворения в другое.

В стихотворениях сборника редко встречаются цвета желтый и зеленый. Ассоциативно Ахмадулина привязывает эти цвета к природным объектам: цветы, лес, деревья. Но сквозь архетип цвета проступает и болезненность видения мира. Так, желтый цвет неразрывно связан с цветком, созерцание которого не вызывает должной радости у лирической героини. Это растение «рокового свойства» наводит беспокойные мысли, заставляет почувствовать одиночество:

Поляны призрачно светлы,
и бабочка облюбовала
такие желтые цветы,
которых после не бывало.

Мне этот детский желтый цвет
потом то чудился то снился,
в зрачке хранилось столь лет
подобье выпуклого снимка [1, с. 28].

В. Кандинский отмечает, что «интенсивная желтая краска беспокоит человека, колет, возбуждает, действует на душу нагло и навязчиво» [7, URL]. Это тревожный и болезненный цвет, который является колористическим символом безумия. У Ахмадулиной желтый оттенок самый яркий в палитре, он буквально ослепляет, он пресыщен своим собственным цветом:

...трава свежа, земля черна,
цветок пресыщен желтизной [1, с. 29].

Несмотря на то, что желтый в палитре поэтессы не самый позитивный цвет, Ахмадулина все же привязывает к нему эпитет, наполненный чистотой и светом, — «детский желтый цвет». Чистый желтый в истории цвета — символ солнца, тепла и жизни. Поэтесса отмечает детскость этого цвета, но при этом он остается для нее «роковым» оттенком.

Что касается зеленого цвета, то здесь все архетипично. Зелены леса, река (Алазань), самшит. Поэтесса в редких случаях называет этот цвет прямо. Косвенно, через ассоциации с природными объектами, «зеленость» проступает в тексте: трава, ели, кипарисы и самшиты; пейзажи Грузии, Крыма, Давоса:

Во вздохе осени сошлись
больничный двор с румяным кленом
и узник времени — самшит
Нетрудно слыть вечнозеленым,
но труд каков — вкушая тлен
отживших, павших и опавших,
утешиться поимкой в плен [1, с. 56].

По мнению Гете, «глаз, находит в зеленом цвете действительное удовлетворение, душа «отдыхает» [5, URL]. Ахмадулина

воссоздает в своей памяти пейзажи, наполненные именно этим цветом, — он дает жизнь. Среди «суетности» других оттенков только в зеленых и синих цветах лирическая героиня находит покой. Но суетность, тревожность проникает и в этот цвет. Появляются темно-зеленые оттенки («он хвойно-сумрачен»). Нечистый зеленый цвет, оттеняющийся черным, символизирует покой, равнодушие и печаль. Зеленый цвет погибает («не зеленее влагой Алазань» [1, с. 39]), становится цветом пепелища («июль спалил луга, ожег леса» [1, с. 40]) — черным или бурым. Болезненное восприятие цвета сказывается и здесь, зеленый, как самый нейтральный из цветовой палитры, обрастает в сознании поэтессы негативной символикой.

Ярким примером непрямого цветообозначения в сборнике «Пуговица в китайской чашке» Ахмадулиной является изображение синего (голубого) оттенка. Цвет здесь не обозначен цветовыми эпитетами — он закодирован в уже существующих определениях. Говорить о цвете в данных примерах возможно, только опираясь на «теорию соответствий»:

Как я люблю скалы отвес,
где гроздья гнезд, где реют дети
над бездной вод [1, с. 48]...

не дай, чтоб небо помертвело [1, с. 47]...

Голубой или синий цвет в различных культурах соответствует небу и воде — это цвет вечности, который выражает идею самопожертвования, смирения и кротости, по мнению Н. Кузанского [3, с. 12]. Прямо не называя цвета, но подразумевая их, Ахмадулина добавляет к стереотипному символизму этих цветов свое собственное восприятие. Мистический пейзаж рисует поэтесса, где «бездна вод», «скалы отвес», «где реют дети». Синий в этой «бездне вод» приобретает черный оттенок — вода лишь на поверхности имеет приятный синий или голубой цвет, опускаясь ниже, отдаляясь от солнечного света, она таит в своей мгле нечто неизвестное и волнующее. Еще Гете отмечал «мистицизм синего»: «Как цвет это —

энергия: однако он стоит на отрицательной стороне и в своей величайшей чистоте представляет из себя как бы волнующее ничто» [5, URL]. Синий, как идея темного, связан с ощущением холода, неизвестности:

Оборони и сохрани,
не дай, чтоб небо помертвело [1, с. 47].

Такие строчки мы встречаем в стихотворении «Памяти Гурама Асатиани». Небо, как и вода, и зелень, «мертвеет» у поэтессы, т. е. сдвигается по цветовой палитре до черного. Лирическая героиня просит: «о Боже, — я прошу, — о Гмерто!», чтобы небо не умира-ло, ведь смерти окружают ее: «я — здесь, вы — там, где стынь и пыл не попрянутого смертью братства» [1, с. 52].

Таким образом, цвет, изначально наполненный определенной символикой, в сознании поэта интерпретируется по-своему. Архетипичное восприятие цвета в процессе интерпретации того или иного оттенка играет немаловажную роль, служит своего рода отправной точкой для начала ассоциативного ряда. С психологической точки зрения значимую роль в восприятии цвета играет физическое состояние, в котором находится субъект. В данном случае болезнь поэтессы, плохое зрение искажают исторически сложившуюся семантику того или иного цвета, при этом обогащают ее новыми смыслами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахмадулина Б. А. Пуговица в китайской чашке. Книга новых стихотворений / Б. А. Ахмадулина. — СПб.: Пушкинский фонд, 2001. — 64 с.
2. Алешка Т. Творчество Б. Ахмадулиной в контексте традиции русской поэзии. — Мн.: РИВШ БГУ, 2001. — 124 с.
3. Базыма Б. А. Цвет и психика / Б. А. Базыма. — Харьков: Изд-во ХГАК, 2001. — 172 с.
4. Божович В. И. Традиции и взаимодействие искусств. Франция; конец XIX — начало XX века / В. И. Божович. — М.: Наука, 1987. — 320 с.
5. Гете И. В. Учение о цвете. Теория познания [Электронный ресурс] / И. В. Гете // Учение о цвете. Теория познания — Гете Иоганн: [сайт]. URL: https://royallib.com/read/gyote_iogann/uchenie_o_tsvete_teoriya_poznaniya.html#0 (дата обращения 17.11.17).

6. Громов В. Факты [Электронный ресурс] // Писатель Владимир Войнович «Белла Ахмадулина не знала, что смертельно больна. Близкие скрывали, что у нее рак»: [сайт] / В. Громов. URL: <https://fakty.ua/123628-pisatel-vladimir-vojnovich-bella-ahmadulina-ne-znala-chto-smertelno-bolna-blizkie-skryvali-chto-u-nee-rak>
7. Кандинский В. Избранные труды по теории искусства: в 2 т. [Электронный ресурс] / В. Кандинский // О духовном в искусстве (Живопись) // Живопись // Язык красок: [сайт]. URL: <http://www.kandinsky-art.ru/library/isbrannie-trudy-po-teorii-iskusstva14.html> (дата обращения 15.11.17).
8. Петровский Б. В. Большая медицинская энциклопедия / Б. В. Петровский. 3-е изд. Т. 1-30, М.: Сов.энциклопедия, 1974. Т. 1. А — АНТИБИОЗ. XVI, 576 с. с илл., 7 л. вкл. [Электронный ресурс] // Большая медицинская энциклопедия. Т. 1: [сайт]. URL: http://sohmet.ru/medicina/med_01.shtml (дата обращения 24.01.18).
9. Тэрнер В. У. Символ и ритуал [Электронный ресурс] / Тэрнер Виктор // Электронная библиотека e-libra.ru: [сайт]. URL: <http://e-libra.ru/read/352174-simvol-i-ritual.html> (дата обращения 10.11.17).
10. Трайндл А. Психология цветовосприятия и воздействие цвета [Электронный ресурс] // Психология цветовосприятия и воздействие цвета: [сайт]. URL: <http://hr-portal.ru/article/psihologiya-cvetovospriyatiya-i-vozdeystvie-cveta>
11. Фрилинг Г., Ауэр К. Человек — цвет — пространство / Г. Фрилинг, К. Ауэр; пер. с нем. — М., Стройиздат, 1973. — С. 141.